

О. В. Лымарь

КАТЕГОРИЯ АВТОРА В МЕТАНАРРАТИВНОМ ТЕКСТЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В центре данного исследования находится категория автора, рассматриваемая в аспекте метанарративного принципа повествования. Под метанаррацией автор статьи понимает некую языковую матрицу, обнаруживающую характерные особенности того или иного культурного периода и накладывающую в соответствии с этими особенностями отпечаток на правила построения художественного дискурса. На основе контрастивного анализа в работе предпринимается попытка проследить и выявить лингвистические механизмы порождения романтической (Novalis, «Heinrich von Ofterdingen») и постмодернистской (D. Kehlmann, «Die Vermessung der Welt») концепций автора в аспекте метанарративного принципа повествования.

Ключевые слова: категория автора, метанаррация, постмодернистская концепция автора, романтическая концепция автора, субъект-объектные отношения, интертекстуальность, техника монтажа.

О. Lyumar

THE CATEGORY OF AUTHOR IN THE METANARRATIVE TEXT: A COMPARATIVE ANALYSIS

The study is focused on the category of author in the metanarrative text. The metanarration is described as some linguistic matrix that detects the characteristics of a particular cultural period and according to them marks the rules for constructing a discourse. By means of a contrastive analysis, an attempt is made to trace and identify the linguistic mechanisms of creating romantic (Novalis, "Heinrich von Ofterdingen") and postmodern (D. Kehlmann, "Die Vermessung der Welt") concepts of author in the metanarrative text.

Keywords: category of author, metanarration, postmodern concept of author, romantic concept of author, subject-object relations, intertextuality, editing technique.

В центре нашего исследования находится категория автора, рассматриваемая нами в аспекте метанарративного принципа повествования. В современном научном дискурсе существуют различные точки зрения на метанаррацию. Так, например, в философии постмодернизма метанаррация трактуется как «...феномен существования концепций, претендующих на универсальность, доминирование в культуре и "легитимирующих" знание, различные социальные институты, определенный образ мышления» [4, с. 459]. В современной лингвистике, в частности К. Р. Новожиловой, под метанаррацией понимаются метакоммуникативные единицы в нарративных лите-

ратурных текстах, эксплицирующие коммуникативный акт «повествование» («das Erzählen») [17]. Э. Гюлих (E. Gülich) и В. Райбле (W. Raible) рассматривают метанаррацию с коммуникативно-ситуативной точки зрения, определяя ее как метакоммуникативную единицу, основная специфика которой состоит в тематизации коммуникативного акта [14, с. 156]. Лингвистическое понимание метанаррации является узким, ограничивающим область ее теоретических возможностей. Метанаррацию в нашей работе мы будем понимать значительно шире, а именно как объемлющую когнитивно-языковую категорию, некую универсальную матрицу, обнаруживающую

характерные особенности (явные типологические свойства, стереотипы мышления) того или иного культурного периода и накладывающую в соответствии с этими особенностями отпечаток на правила построения того или иного художественного дискурса. Отталкиваясь от данного определения, нарратацию и метанарратацию можно соотносить между собой как повествование и над-повествование, отражающее принципы построения первого.

Выступая некоей универсалией, метанарратация присуща каждой культуре. Как отмечает Ю. М. Лотман, ни одна культура не может функционировать без метатекстов постольку, поскольку именно метанарративная сторона текста наиболее легко моделируется с помощью имеющихся в нашем распоряжении средств [6, с. 425]. Обуславливая так называемый механизм идентификации (в рамках определенной эпохи снимаются различия внутри художественного дискурса, текст возводится к стандарту), метанарратация способствует, с одной стороны, адекватности восприятия сообщения в системе коммуникации, с другой — гарантирует функцию обеспечения общей памяти коллектива, превращение его из беспорядочной толпы в «*Une personne morale*» [6, с. 425].

Известно, что в эпоху постмодерна метанарративные принципы повествования подвергаются жесткой критике. Так, например, французский философ и теоретик Ж.-Ф. Лиотар в своей ставшей классикой работе «Состояние постмодерна» (1979) впервые предлагает концепцию «Заката метанарратаций», основанную на идеях Ю. Хабермаса и М. Фуко о правомерности знания, его легитимации — процессе, «по которому законодателю оказывается позволенным провозглашать данный закон нормой» [5, с. 27]. Занимаясь проблемами легитимации знания в той или иной традиции, автор в указанной работе противопоставляет до-постмодернистскую культуру как «эпоху метанарратаций», или «больших

повествований», и собственно постмодернистскую культуру, которую он характеризует как эпоху «заката метанарратаций», крушения «больших рассказов» — всех тех «объяснительных систем» (религии, истории, науки, психологии, искусства, иначе говоря, любого «знания»), организующих, согласно Ж.-Ф. Лиотару, буржуазное общество и служащих для него средством оправдания. Следует отметить, что в эпоху постмодерна метанарратация как таковая не исчезает: являясь имманентным свойством любой культуры в целом, она, а точнее метанарративные принципы повествования, подвергаются тем не менее радикальным трансформациям. Недаром Ж.-Ф. Лиотар постмодерном обозначает «...состояние культуры после трансформаций, которым подверглись правила игры в науке, литературе и искусстве в конце XIX в.» [5, с. 9].

Выступая противниками закостеневших воззрений, представители постмодернизма подвергают трансформациям метанарративное мышление, его стереотипы и каноны, при этом они не борются с ними, ибо в основе этой борьбы лежит имплицитная презумпция признания власти последних, они даже не ниспровергают само понятие стереотипа или канона — они просто «играются» с ними, осмысливая иронически многие манифестируемые традиционной культурой ценности. К примеру, трансформациям подвергаются привычные механизмы достижения связности, целостности текста [13]. Переосмысливается и категория автора — неотъемлемая характеристика метанарративного принципа повествования: если в эпоху романтизма поэт-романтик рассматривался как истинный жрец и провидец, вещающий от имени Истины и выражающий нравственный идеал (для романтиков само понятие «автор» было нераздельно связано с понятием «истинны», причем не с конкретной истиной факта, а с высшей Истиной, Абсолютом), то в эпоху постмодерна наступает «смерть автора» [1, с. 384–391].

Метанаррация, выступая имманентным свойством любой культуры, трансформируется от эпохи к эпохе, что, в свою очередь, накладывает отпечаток на историко-культурные артефакты — науку, искусство, литературу, а также на мировоззрение в целом. В данной работе на основе контрастного анализа мы предпримем попытку проследить и выявить лингвистические механизмы порождения романтической (Novalis, «Heinrich von Ofterdingen») и постмодернистской (D. Kehlmann, «Die Vermessung der Welt») концепций автора в аспекте метанарративного принципа повествования.

Как в романе Новалиса «Генрих фон Офтердинген», так и в романе Д. Кельмана «Измерение мира» категория автора — имманентный признак метанарративного принципа повествования — выступает одним из ключевых механизмов текстопорождения, однако способы обозначения присутствия автора, как и само его присутствие, в указанных произведениях различны. Так, например, для романа Новалиса характерна в основном авторская перспектива повествования: «повествователь находится за пределами изображаемого мира, сохраняет дистанцию к повествуемому... вмешивается в событийный процесс, комментируя его...» [10, с. 97]. Несмотря на то что автор романа не производит так называемого обособления речи героев в отдельный абзац, о смешении позиций автора и героя говорить не приходится. Механизмом четкого деления позиций автора и героя выступает формальная, внутритекстовая связь, или когезия.

«Der Jüngling lag unruhig auf seinem Lager, und **gedachte des Fremden und seiner Erzählungen**. Nicht die Schätze sind es, die ein so unaussprechliches Verlangen in mir geweckt haben, sagte er zu sich selbst... Sonst tanzte ich gern; jetzt denke ich lieber nach der Musik. Der Jüngling verlor sich allmählich in süßen Fantasien...» [16, с. 166–167].

Сразу отметим, что жирным шрифтом в приведенном примере мы выделяем сов-

мещение в одном абзаце двух пластов повествования — речи автора и прямой речи главного героя. Механизмом разделения позиций автора и героя выступает когезия: существительное «der Jüngling» первого предложения заменяется в последующих на личные местоимения «mir», «er», «ich», что позволяет нам говорить о так называемом анафорическом типе связи — связи, указывающей на предшествование и отсылающей к ранее сказанному [12]. Личные местоимения, или анафорические проформы, — «mir», «er», «ich» — выполняют функцию замещения существительного, а следовательно, связующую функцию, в силу чего текст, несмотря на смешение авторской речи и речи героя, воспринимается целостно. При этом вторая часть первого предложения — «und gedachte des Fremden und seiner Erzählungen» — возобновляется катафорически, т. е. раскрывается в последующем предложении. Примечательно, что абзац имеет кольцевую структуру, основным элементом которой является рекуррентность, или повтор, в данном случае — «der Jüngling».

Интересно отметить, что если подробнее остановиться и проанализировать проблему связности в романе Новалиса, то можно прийти к выводу о наличии в нем некой сверхсвязности: «Ich ... habe viele unruhige Träume gehabt, bis zuletzt ein anmuthiger Traum mir erschien, den ich lange nicht vergessen werde, und von dem mich dünkt, als sey es mehr als bloßer Traum gewesen» [16, с. 169].

В приведенном примере слово Traum, выполняя текстообразующую функцию, повторяется трижды и дважды возобновляется посредством относительных местоимений (den, dem). Следует отметить, что лексема «Traum» является текстообразующей не только для вышеприведенного примера, но и для романа Новалиса в целом. Так, например, в первой главе данная лексема упоминается в разных вариациях 24 раза, образуя, в свою очередь, так называемую текстокогерентную словообразова-

тельную сетку, или ТСС [11]. Однако если сравнивать употребление лексемы — «Traum» — с использованием личных местоимений в разных вариациях, то можно с уверенностью сказать, что механизм прономинализации — замены и семантического актуализирования имени существительного посредством референциально идентичного местоимения [18, с. 372] — занимает доминирующее положение в романе Новалиса: *Ich glaubte, ich wäre wahnsinnig, wenn ich nicht so klar und hell sähe und dächte, mir ist seitdem alles viel bekannter. Ich hörte einst von alten Zeiten reden; wie da die Thiere und Bäume und Felsen mit den Menschen gesprochen hätten. Mir ist grade so, als wollten sie allaugenblicklich anfangen, und als könnte ich es ihnen ansehen, was sie mir sagen wollten...* [16, с. 166–167].

При чтении романа Новалиса, в частности приведенного отрывка, складывается ощущение, что автор как поэт слова «боится потерять читателя», во избежание чего расставляет везде и всюду местоименные *Wegweiser* — *ich, mir, sie, es...*, препятствующие образованию коммуникативного провала. Личные местоимения, словно нить Ариадны, проводят читателя сквозь лабиринт мыслей, чувств и эмоций автора.

Анализируя новалисовскую парадигму с точки зрения постмодернистской концепции автора как организующего и настраивающего произведение центра можно сказать, что автор, или логос, рассматривается в данном случае как некое проявление власти, захватившее в коммуникативном пространстве позицию центра и стремящееся подчинить себе не только построение сюжета, героев повествования, но и так называемый горизонт ожидания читателя (Х. Р. Яусс) — формирование автором «правильного» отношения читателя к произведению, что, в свою очередь, не только обуславливает характер воздействия произведения на общество и его восприятие обществом, но и способствует конструированию определенного смысла, к которому

должен в итоге прийти читатель (моносемантическое прочтение). Как писал сам Новалис, автор романа должен строго упорядочить большую массу событий и ситуаций и целеустремленно провести через все эти события определенного индивидуума к определенной цели (смыслу. — *O. B.*) [8]. Концепция автора как центрирующего, цементирующего начала сопрягается в философии постмодернизма с идеей логоцентризма. Как писал Ж. Деррида, «логоцентризм — это европейское, западное мыслительное образование, связанное с философией, метафизикой, наукой, языком и зависящее от логоса. Это генеалогия логоса. Однако это не только способ помещения логоса и его переводов (разума, дискурса и т. д.) в центре всего, но и способ определения самого логоса в качестве центрирующей, собирающей силы» [2, с. 171].

Логоцентрическая парадигма метанарративного принципа повествования, характерная, в частности, для романа Новалиса, несет в себе с точки зрения постструктуралистской философии насильственное, репрессивное, тоталитарное начало и поэтому становится в культуре постмодерна объектом решительной негации, первым адресатом постмодернистской критики, знаменуя собой классический тип философствования, а также стиль мышления в целом.

Совершенно иная концепция автора, характеризующаяся отказом от традиционного авторского «Я», обнаруживается в романе Д. Кельмана «Измерение мира». Основной идеей данной концепции выступает децентрация субъекта, тесно сопрягающаяся с постмодернистской концепцией «смерти автора», согласно которой автор текста больше не является источником смыслов, не предшествует своим произведениям, а выступает всего лишь функцией написания письма: «...с точки зрения современной лингвистики, автор есть всего лишь тот, кто пишет, так же как «я» всего лишь тот, кто говорит "я"», — отмечает Р. Барт [1,

с. 387]. В романе Д. Кельмана основным лингвистическим механизмом реализации «смерти автора», или децентрации субъекта, выступает размывание определенности субъект-объектных отношений: 1) ...*(Gauss) schlief ein und wachte bis zum abendlichen Pferdewechsel [...] nicht mehr auf. Während die alten Pferde ab- und neue angeschirrt wurden, aßen sie Kartoffelsuppe in einer Gastwirtschaft* [15, с. 9–10]; 2) *Muskulöse Männer und Frauen, Ketten um die Fußgelenke, sahen mit leeren Blicken die Landbesitzer an...* [15, с. 70]. Как показывают приведенные примеры, децентрация субъекта в романе Д. Кельмана осуществляется по принципу «игры структуры», непосредственным результатом которой является комический эффект: местоимение «sie» (первый пример), ассоциативно соотносимое с Гауссом и его сыном Ойгеном, согласуется в грамматическом плане (3-е лицо, множественное число) со словосочетанием «die alten Pferde» или же словосочетание «Ketten um die Fußgelenke» — со сказуемым «sahen» (второй пример).

Некая децентрация, дистанцирование автора в романе Д. Кельмана осуществляется также и в аспекте нелинейности текстового пространства. Если автор романа «Генрих фон Офтердинген» предшествует тексту, порождает его, строго упорядочивает большую массу событий и ситуаций и целеустремленно проводит через все эти события определенного индивидуума к определенному смыслу, то в романе Д. Кельмана читателю предоставляется возможность комбинировать текст на свое усмотрение, что реализуется, в свою очередь, самим принципом его построения. основополагающим принципом построения кельмановского романа выступает техника монтажа — принцип «построения любых сообщений (знаков, текстов и т. п.) культуры, состоящий в соположении в предельно близком пространстве-времени (хронотопе, по Бахтину) хотя бы двух (или сколь угодно большого числа) отличающихся друг от

друга [...] изображений» [3, с. 199]. В романе Д. Кельмана техника монтажа осуществляется посредством последовательного чередования глав, повествующих о двух главных героях — великом математике Ф. Гауссе и путешественнике А. Гумбольдте. Результатом такого чередования выступает регулярная смена планов повествования: от главы к главе читатель переносится от одного плана повествования к другому. Интересно отметить, что подобная техника монтажа присуща не только роману в целом, но и отдельным его главам, как, например:

Man müsse die Pläne ändern, schrieb Humboldt [...]. Gauß legte traurig lächelnd den Brief weg. Zum ersten Mal tat Humboldt ihm leid.

In Moskau stockte alles. Es sei ganz unmöglich, sagte der Bürgermeister, dass sein Ehrengast (Humboldt) schon weiterfahre [15, с. 273–274].

Приведенный пример взят из главы «Die Steppe», в которой главные герои — Ф. Гаусс и А. Гумбольдт, находясь в разных точках земного шара, непосредственно общаются друг с другом, преодолевая благодаря технике монтажа время и расстояние на страницах романа. Следует отметить, что механизмами соединения двух «монтажных кусков», двух планов повествования — повествования о Гумбольдте, а затем и повествования о Гауссе — выступают, с одной стороны, локализм «Moskau» в сочетании с предлогом «in», занимая первую позицию в предложении (инверсивный порядок слов в предложении), с другой — повтор имени собственного (Humboldt).

Лежащая в основе произведения Д. Кельмана техника монтажа — соположение разнородных элементов — необходимым образом приводит к увеличению мыслительной нагрузки в процессе чтения, поскольку заключается для читателя в соединении и упорядочивании событий. С другой стороны, это означает и возрастание роли читателя, его «когнитивное вы-

равнивание» в правах с автором [9]: занимая позицию автора, читатель сам строит смысл из хаоса. Композиция романа в таком случае не является чем-то изначально заданным, застывшим внутри структуры, а может рассматриваться как динамическая модель, выстраивающаяся в процессе чтения и являющаяся самостоятельным сюжетом, допускающим безграничную вариативность прочтения.

Как особенность кельмановской метанаррации, образующей специфику концепции автора в исследуемом романе, может выступать и механизм дистанцирования автора, реализуемый в аспекте интертекстуальности — многомерности текстового пространства, сплошь сотканного из цитат, отсылающих ко многим культурным источникам (Р. Барт). А поскольку в центре постмодернистского искусства находится не само произведение как готовый продукт, а процесс его создания, то неудивительно, что источником текста выступает не письмо, а, как мы уже отмечали, чтение, в процессе которого и автор, и читатель, и текст являют собой единое и бесконечное поле для интерпретаций [7, с. 1023]. С данной точкой зрения тесно связана концепция «приращения смысла», согласно которой значительную часть восприятия текста автор перекладывает на читателя: он практически ничего не комментирует, предоставляя нам тем самым возможность «свободного домысливания», в связи с чем возникает ощущение отсутствия автора, как, например, в следующем диалоге:

Immer noch die Knaben?

Das hast du gewusst?

Immer.

[...]

Sehen wir uns wieder?

Sicher. Im Fleische oder im Licht [15, с. 264].

Кроме рассмотренных механизмов трансформации традиционной метанарративной структуры текста — размывания субъект-объектных отношений, многомер-

ности текстового пространства (интертекстуальности), техники монтажа — в романе Д. Кельмана обнаруживаются также и другие ее механизмы, в частности, последовательное употребление косвенной речи на протяжении всего текстового пространства, ирония, требующие дальнейшего детального изучения в аспекте метанарративного принципа повествования.

В заключение хотелось бы отметить следующее: метанаррация как особый род над-повествования, отражающий характерные особенности того или иного культурного периода и накладывающий в соответствии с этими особенностями отпечаток на правила построения художественного дискурса, может рассматриваться в рамках одной конкретной эпохи как механизм идентификации текста, обуславливающий как адекватность восприятия сообщения в системе коммуникации, так и функцию обеспечения общей памяти коллектива. Выступая имманентным свойством любой культуры, метанаррация, подвергаясь от эпохи к эпохе различным трансформациям, оказывает непосредственное влияние на принцип построения художественного дискурса.

В данной работе мы попытались проследить и выявить, и на основе чего затем противопоставить лингвистические механизмы построения романтической (Novalis, «Heinrich von Ofterdingen») и постмодернистской (D. Kehlmann, «Die Vermessung der Welt») концепций автора в аспекте метанарративного принципа повествования. В результате исследования было обнаружено значительное переосмысление неотъемлемой характеристики метанарративного принципа повествования — категории автора: если в романтическом дискурсе автор выступает «цементирующим» началом всей структуры произведения, то в постмодернистском тексте мы наблюдаем «исчезновение», некое дистанцирование автора, достигаемое, в частности, в романе Д. Кельмана, использованием таких

лингвистических механизмов, как децентрация субъекта (размывание определенности субъект-объектных отношений), построение нелинейного (техника монтажа) и многомерного (интертекстуальность) текстового пространства. Все это приводит к

совершенно иной, по сравнению с новалисовской, концепции читателя — изменению его роли в трактовке и интерпретации смысловой картины произведения, а также в придании смыслу динамики в процессе чтения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Барт Р.* Смерть автора // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. — М., 1994. С. 384–391.
2. *Деррида Ж.* Философия и литература. Беседа с Жаком Деррида // Жак Деррида в Москве. — М., 1993. С. 151–186.
3. *Зенкин С. Н.* Введение в литературоведение: Теория литературы. — М., 2000.
4. *Коротченко Е. П.* Метанаррация // Постмодернизм. Энциклопедия / Под ред. А. А. Грицианова, М. А. Можейко. — Минск, 2001. С. 45–461.
5. *Лютар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. — СПб., 1998.
6. *Лотман Ю. М.* Текст в тексте // Лотман Ю. М. Об искусстве. — СПб.: Искусство-СПб, 2005. С. 423–436.
7. *Можейко М. А.* Языковые игры // Постмодернизм. Энциклопедия. — Минск, 2001. С. 1022–1025.
8. *Новалис.* Фрагменты // http://www.lib.ru/INOOLD/GARDENBERG/novalis_fragments.txt.
9. *Олейник М. А.* Адресат и динамическая языковая картина мира: концепция взаимообусловленности: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Ростов н/Д, 2006.
10. *Олейник М. А., Четыркина И. В.* Text: Beschreibung, Analyse, Interpretation. Ein Lehrwerk zum analytischen Lesen: Учебник по аналитическому чтению. — Краснодар, 2008. 328 с.
11. *Орлова О. А.* Роль словообразовательных средств в формировании когерентности текста в немецком языке: Дис. ... канд. филол. наук. — Нижний Новгород, 2002.
12. *Brinker K.* Linguistische Analyse: eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden. — Berlin: Erich Schmidt Verlag, 1992.
13. *Fokkema D. W.* The Semantic and Syntactic organization of postmodernist Texts // Approaching Postmodernism. Amsterdam, 1986. P. 81–98.
14. *Gülich E., Raible W.* Textsortenprobleme // Linguistische Probleme der Textanalyse. Sprache der Gegenwart. 1975. Bd. 35
15. *Kehlmann D.* Die Vermessung der Welt. Hamburg, 2008.
16. *Novalis.* Heinrich von Ofterdingen // Novalis. Gedichte und Prosa. Hg. und mit einem Nachwort versehen v. H. Uerlings. — Düsseldorf; Zürich: Artemis & Winkler, 2001. S. 165–330.
17. *Novoshilowa X.* Metanarrative Einheiten in literarischen Texten des 19. und 20. Jahrhunderts. Ihre Formen und Funktionen // F. Simmler, C. Wich-Reif (Hrsg.): Probleme der historischen deutschen Syntax unter besonderer Berücksichtigung ihrer Textsortengebundenheit. Akten zum Internationalen Kongress an der Freien Universität Berlin 29. Juni bis 3. Juli 2005 (Berliner Sprachwissenschaftliche Studien, Band 9). 403 S. // http://www.weidler-verlag.de/Reihen/berliner_sprachwissenschaftl/bss9/bss9.html.
18. *Weinrich H.* Textgrammatik der deutschen Sprache / H. Weinrich. Unter Mitarb. von Maria Thurmair... — Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverl., 1993.

REFERENCES

1. *Bart R.* Smert' avtora // Bart R. Izbrannyye raboty: Semiotika. Pojetika. — M., 1994. S. 384–391.
2. *Derrida ZH.* Filosofija i literatura. Beseda s ZHakom Derrida // ZHak Derrida v Moskve. — M., 1993. S. 151–186.
3. *Zenkin S. N.* Vvedenie v literaturovedenie: Teorija literatury. — M., 2000.
4. *Korotchenko E. P.* Metanarracija // Postmodernizm. JEnciklopedija / Pod red. A. A. Gricianova, M. A. Mozhejko. — Mn., 2001. S. 459–461.
5. *Liotar ZH.-F.* Sostojanie postmoderna. — SPb., 1998.
6. *Lotman JU. M.* Tekst v tekste // Lotman JU. M. Ob iskusstve. — SPb.: Iskusstvo-SPb, 2005. S. 423–436.

7. *Mozhejko M. A.* Jazykovye igry // Postmodernizm. JEnciklopedija. — Mn., 2001. S. 1022–1025.
8. *Novalis.* Fragmentsy // http://www.lib.ru/INOOLD/GARDENBERG/novalis_fragments.txt.
9. *Olejnik M. A.* Adresat i dinamicheskaja jazykovaja kartina mira: koncepcija vzaimoobuslovlennosti: Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. — Rostov n/D, 2006.
10. *Olejnik M. A., CHetyrkina I. V.* Text: Beschreibung, Analyse, Interpretation. Ein Lehrwerk zum analytischen Lesen: Uchebnik po analiticheskomu chteniju. — Krasnodar, 2008.
11. *Orlova O. A.* Rol' slovoobrazovatel'nyh sredstv v formirovanii kogerentnosti teksta v nemeckom jazyke: Dis. ... kand. filol. nauk. Nizhnij
12. *Brinker K.* Linguistische Analyse: eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden. — Berlin: Erich Schmidt Verlag, 1992.
13. *Fokkema D. W.* The Semantic and Syntactic organization of postmodernist Texts // Approaching Postmodernism. — Amsterdam, 1986. P. 81–98.
14. *Gülich E., Raible W.* Textsortenprobleme // Linguistische Probleme der Textanalyse. Sprache der Gegenwart. 1975. Bd. 35.
15. *Kehlmann D.* Die Vermessung der Welt. Hamburg, 2008.
16. *Novalis.* Heinrich von Ofterdingen // Novalis. Gedichte und Prosa. Hg. Und mit einem Nachwort versehen v. H. Uerlings. — Düsseldorf, Zürich: Artemis & Winkler, 2001. S. 165–330.
17. *Novoshilowa X.* Metanarrative Einheiten in literarischen Texten des 19. und 20. Jahrhunderts. Ihre Formen und Funktionen // F. Simmler, C. Wich-Reif (Hrsg.): Probleme der historischen deutschen Syntax unter besonderer Berücksichtigung ihrer Textsortengebundenheit. Akten zum Internationalen Kongress an der Freien Universität Berlin 29. Juni bis 3. Juli 2005 (Berliner Sprachwissenschaftliche Studien, Band 9). 403 S. // http://www.weidler-verlag.de/Reihen/berliner_sprachwissenschaftl/bss9/bss9.html.
18. *Weinrich H.* Textgrammatik der deutschen Sprache / H. Weinrich. Unter Mitarb. von Maria Thurmair... — Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverl., 1993.